

Erlbaum.

Lau, Richard R., and Mark Schlesinger. 2005. "Policy Frames, Metaphorical Reasoning, and Support for Public Policy." *Political Psychology* 26:77-114.

Lau, Richard R., and Mark Schlesinger. 2000. "The Meaning and Measure of Policy Metaphors." *American Political Science Review* 94:611-26.

Lenart, Silvo. 1994. *Shaping Political Attitudes: The Impact of Interpersonal Communication and Mass Media*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Liebes, Tamar and Ann N. Crigler. 1990. "Framing 'Us' and 'Them': Political Discourse in the United States and Israel." Paper presented at the International Communications Association Annual Conference, Dublin, Ireland.

Lippmann, Walter. 1922. *Public Opinion*. New York: Simon & Schuster.

Lodge, Milton and Ruth Hamill. 1986. "A Partisan Schema for Political Information Processing." *American Political Science Review* 80:505-20.

Lodge, Milton and Kathleen McGraw. 1991. "Where is the Schema?" *American Political Science Review* 85:1357-64.

Marcus, George E., W. Russell Neuman and Michael B. MacKuen. 2000. *Affective Intelligence and Political Judgment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

McCann, James. 1997. "Electoral Choices and Core Value Change: The 1992 Presidential Campaign." *American Journal of Political Science* 42:564-583.

McCloskey, Herbert and John Zaller. 1984. *The American Ethos*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mills, C. Wright. *The Sociological Imagination*. New York: Grove.

Mio, Jeffery Scott. 1997. "Metaphor and Politics." *Metaphor and Symbol* 12:113-33.

Neuman, W. Russell, Marion R. Just and Ann N. Crigler. 1992. *Common Knowledge: News and the Construction of Political Meaning*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Nogales, Patti D. 1999. *Metaphorically Speaking*. Stanford, CA: CSLI Publications.

Ortony, A. 1975. "Why Metaphors are Necessary and not Just Nice." *Educational Theory* 25:45-53.

Paris, Roland. 2002. "Kosovo and the Metaphor War." *Political Science Quarterly* 117:423-50.

Paivio, A. and J. M. Clark. 1986. "The Role of Topic and Vehicle Imagery in Metaphor Comprehension." *Communication and Cognition* 19:367-87.

Petty, Richard E., Joseph R. Priester and Pablo Briñol. 2002. "Mass Media Attitude Change: Implications of the Elaboration Model of Persuasion." In Bryant, Jennings and Dolf Zillmann (eds.). *Media Effects: Advances in Theory and Research* 2nd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Pollock, Philip H. III. 1994. "Issues, Values, and Critical Moments: Did 'Magic' Johnson Transform Public Opinion on Aids?" *American Journal of Political Science* 38:426-46.

Richards, I. A. 1936. *The Philosophy of Rhetoric*. New York: Oxford University Press.

Rokeach, Milton. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press.

Rokeach, Milton and Sandra J. Ball-Rokeach. 1989. "Stability and Change in American Value Priorities, 1961-1981." *American Psychologist* 44:775-784.

Sears, David O. 1993. "Symbolic Politics: A Socio-Psychological Theory." In Iyengar, Shanto and William J. McGuire (eds.). *Explorations in Political Psychology*. Durham, NC: Duke University Press.

Sears, David O., Richard R. Lau, Tom R. Tyler, Harris M. Allen, Jr. 1980. "Self-Interest vs. Symbolic Politics in Policy Attitudes and Presidential Voting." *American Political Science Review* 74: 670-684.

Shah, Dhavan, David Domke, and Daniel Wackman. 1996. "To Thine Own Self Be True: Values, Framing, and Voter Decision-Making Strategies." *Communication Research* 23:509-560.

Sniderman, Paul M., Richard A. Brody, and Phillip E. Tetlock. 1991. *Reasoning and Choice: Explorations in Political Psychology*. New York: Cambridge University Press.

Sniderman, Paul M., Michael G. Hagen, Phillip E. Tetlock and Henry E. Brady. 1986. "Reasoning Chains: Causal Models of Policy Reasoning in Mass Publics." *British Journal of Political Science* 16:405-30.

Wildavsky, Aaron. 1987. "Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation." *American Political Science Review* 81:3-21.

Zaller, John R. 1992. *The Nature and Origins of Mass Opinion*. New York: Cambridge University Press.

Zaller, John R. and Stanley Feldman. 1992. "A Simple Theory of Survey Response." *American Journal of Political Science* 36:579-616.

© Тодд Белт, 2007

© Камышева О. С., Кушнерук С. Л.
(перевод), 2007

Косарев М. И.

Екатеринбург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
С СУБСФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«КИНОЭКШЕН» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ**

Abstract

The article touches upon the problem of precedent phenomena as discursive signs of a society's mythology in the political communication. The source sphere of the phenomena in question is the genre of "action" of Hollywood cinema. It arises no doubts that Hollywood is the chief architect of American mythology and of "American Dream" in particular. As long as the Hollywood myths are extremely popular in the USA and throughout the world, most of the countries experience strong influence of American culture. The sphere of action films is the most active source of precedent phenomena for political commu-

nication because it is based on the main myths of Hollywood – the myth of a strong lonely hero and of a hero's "war" with his opponents, which are also central political myths of any national culture. The author analyses features of use of precedent phenomena in political texts of German print media. As the author puts it, precedent name holds central position among all types of precedent phenomena as a way of reference to a hero's image most frequently used. The characteristics of a hero's speech and conduct as well as of the situations a hero finds himself in, however, are considered to be constituents of his image, because a mythological hero lives, talks and acts in the way closely connected with what he semantically represents. Not only are the mythological plots related to a hero, they directly constitute a hero's semantic form.

***

В современной политической коммуникации активно используются элементы постмодернистской эстетики, важным элементом которой являются прецедентные феномены. Сфера «кино» как источник прецедентных феноменов выступает одной из наиболее активных. При этом тон в современном кинематографе задаёт американская киноиндустрия, являющаяся важной составляющей культурной политики США. Массовые культуры большинства стран мира испытывают сильнейшее влияние американской массовой культуры (к «продуктам» которой относится и голливудское кино) и в значительной степени являются производными от неё. Голливудское кино же в свою очередь не только отражает основные тенденции развития американского общества, но и оказывает на них самое непосредственное влияние. Именно голливудская мифология создала «американскую мечту», являющуюся доминирующим мифом американского общества.

Среди основных мифов, созданных и эксплуатируемых Голливудом можно выделить следующие. Магистральным мифом американского кино, образующим фундамент любого голливудского хита, является миф о сильном и справедливом герое, которым может стать каждый. Герой голливудского фильма одинок и асоциален. Миф о сверхчеловеке («Супермен» 1978 г., «Терминатор» 1984 г., «Бэтмен» 1989 г., «Терминатор 2: Судный день» 1991 г.), миф «фронтiera» (нашедшая отражение в американских вестернах идея борьбы один на один с недружелюбной природой и неожиданными угрозами, идея пространства, где

правит не закон, а кольт), миф политкорректности (связанный с разрушением расовых, национальных и половых предрассудков; «Список Шиндлера» 1993 г.), миф моралистичности (секс и насилие в голливудском кино не являются самоцелью, но служат для пропаганды корневых ценностей, доставшихся Америке по наследству от Великобритании с её пуританством и диккенсовской традицией), миф о превосходстве добра над злом (хэппи-энд) также характерны для продукции Голливуда. В целом, мифологический заряд голливудского кино, его соответствие бессознательным ожиданиям зрителей настолько сильны, что оно оказывается привлекательным не только для американского зрителя, но и для киноаудиторий других стран (Полотковский 2006, Генис 1998).

В центре политического мифа также стоит герой и его конфликт с врагом, опирающийся на архетипную семиотическую оппозицию «свой – чужой», происхождение которой уходит корнями в глубокую древность (Цуладзе 2003, Рюкова 2004). В этом смысле взаимосвязь политики и кино достаточно очевидна – связующим звеном является мифология. Предлагаемый в данной статье взгляд на функционирование прецедентных феноменов основывается на взаимосвязи прецедентных феноменов с мифами общества (Гудков <http>) и их способности актуализировать мифы в сознании человека.

Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэкшен» употребляются в политической коммуникации Германии и США чаще других, что можно объяснить следующим. Во-первых, фильмы данного жанра эксплуатируют центральные мифы голливудского кино о герое и его противостоянии врагу, иллюстрируют достаточно популярный тезис «добро должно быть с кулаками» и подтверждают идею о превосходстве добра над злом. Кроме того, одной из определяющих характеристик кинофильмов «экшен» является их зрелищность: они обладают высоким бюджетом, изобилуют каскадёрскими трюками и спецэффектами. Так или иначе, экшен-фильмы предлагают зрителю то, с чем он редко сталкивается в повседневной жизни. А «правильный зритель», как справедливо заметил П. Вайль, – не аналитик, а руди-

мент цивилизации: ребёнок, раскрывший в изумлении рот перед сказочником. Ребёнок, который просит непременно историю, которую слышал не раз, поскольку нужны ему не ухищрения культуры, а живое голое переживание (Вайль 1993).

Рассмотрим, в какие образы конкретизируются мифологемы экшен-фильмов голливудского кино в политической коммуникации Германии.

Среди прецедентных феноменов, использующихся в печатных СМИ Германии, в числе первых следует рассмотреть феномены, связанные с образом Терминатора. В сознании зрителя актёры всегда ассоциируются с их киногероями, поскольку чаще всего мы «встречаемся» с ними во время просмотра фильма. Однако, в данном случае речь идёт не о рядовой голливудской картине, а о настоящем хите режиссёра Камерона, культовом фильме середины 80-х годов. Интерес журналистов к образам его киногероев объясним ещё и тем, что в настоящее время сам актёр активно занимается политикой.

1. *Im Inneren des Blattes redet der Terminator dann so, wie Politiker gerne reden, wenn sie ihre wahren Absichten vernebeln wollen: „Wenn der Staat mich braucht, und wenn ich keinen sehe, der besser ist, dann werde ich kandidieren.“ (Arnold Schwarzenegger: Österreicher mit Drang zu Gouverneuramt in den USA. Süddeutsche Zeitung, 07.08.2003).*

2. *Kaum, dass sich Schwarzenegger am Mittwoch vor Millionenpublikum in Jay Lenos Talkshow erklärt hat, da geht auch schon in ganz Amerika das Wort vom "Gouvernator" um ("Shwarzenegger" will es wissen. Die Welt, 08.08.2003).*

В примере (1) прецедентное имя «Терминатор» используется для номинации, употребление имени основывается на ассоциативной связи образа Шварценеггера с образом самого популярного из его героев, актуализации дифференциальных признаков прецедентного имени не происходит. Для простой номинации употребляется также и имя «Gouvernator», образованное сложением «Gouverneur» и «Terminator» (пример (2)).

3. *Terminator gnadenlos: Erste Hinrichtung unter Schwarzenegger (заголовок статьи, Die Welt, 19.01.2005).*

4. *Einzeiler sind Schwarzeneggers Schwäche. Vorgetragen in seinem steirischen Skilehrer-Amerikanisch haben sie seine Karriere befördert. Aber die textsparende Coolness von "Hasta la vista, Baby" und "I'll be back" ist gefährlich in einer politischen Fernsehdebatte.*

В примере (3) происходит актуализа-

ция дифференциальных признаков прецедентного имени «Терминатор», связанных с такими чертами характера героя, как нестигаемость, упрямство. По выражению одного из героев фильма, терминатор ни перед чем не остановится, пока не достигнет цели. В примере (4) с помощью прецедентных высказываний эксплицируется такая черта героя, как немногословность. Данная характеристика зрителем связывается с тупостью робота, решающего все проблемы с помощью оружия и силы (собственно, в этом его предназначение; само слово Terminator переводится как «уничтожитель» или «ликвидатор»), журналисты иронически указывают на ограниченность умственных способностей самого Шварценеггера, подчёркивая, что его место – не в кресле главы штата, а на экране:

5. *Old Europe verdreht die Augen beim Gedanken an einen "Gouverneur Schwarzenegger". Wessen Vokabular sich auf Sätze mit maximal fünf Worten beschränke, habe als Politiker wohl seine Berufung verfehlt; außerdem seien Kaliforniens Probleme nicht mit "Terminator"-Methoden zu lösen (Acht filmische Ratschläge für Kalifornien. Die Welt, 08.08.2003).*

Автор советует Шварценеггеру решить проблемы, стоящие перед Калифорнией, руководствуясь принципами действий его киногероев и ссылается на прецедентные ситуации из разных фильмов с участием Шварценеггера: 38-миллионную «дыру» в бюджете штата предлагается закрыть, получив чемодан с деньгами (как в фильме «Вспомнить всё» 1990 г.), проблему энергетического кризиса разрешить – отыскав «зелёный талисман» в комнате, освещённой десятью тысячами свечей (как в фильме «Рыжая Соня» 1985 г.) и т. д., например:

6. *Problem 1: In Kaliforniens Haushalt klafft ein 38-Milliarden-Dollar-Loch. Steuereinnahmen sind seit dem Absturz der New Economy um zwei Drittel gesunken. Lösung: In "Total Recall" wird Arnold ein Koffer zugespielt, worin dem sich große Mengen Bargelds befinden (Acht filmische Ratschläge für Kalifornien. Die Welt, 08.08.2003).*

Шварценеггера-актёра знают в основном по многочисленным экшен-фильмам, в которых его герои занимают примерно одним и тем же – преследуют злодеев, сражаются, убивают и в итоге спасают народы и целые планеты от гибели. Именно с таким абстрактным киногероем Шварценеггер-политик ассоциируется у зрителя:

7. *In seiner langjährigen Karriere als Filmstar hatte Schwarzenegger Erfahrung darin gesammelt, in Leinwandabenteuern gleich ganze Völker und Planeten vor dem Untergang zu retten (Arnold Schwarzenegger rettet Ertrinkenden. Süddeutsche Zeitung, 10.04.2004).*

8. *Seit seinem Amtsantritt als oberster Kalifornier hat sich der 56-Jährige nicht gerade mit Ruhm bekleckert. Jetzt vollbrachte der gebürtige Österreicher eine wahrlich große Tat, ganz wie in seinen Action-Filmen (Arnold Schwarzenegger rettet Ertrinkenden. Süddeutsche Zeitung, 10.04.2004).*

Д.Б. Гудков указывает, что прецедентные феномены задают определённые «сюжеты», типизированные ситуации, находящие воплощение в речи: «Илья Муромец должен громить врагов Руси <...>, коту Базилио следует мошеннически отнимать деньги у наивных простачков <...>, Гадкий Утёнок должен подвергаться несправедливым гонениям и унижениям...» (Гудков [http](http://)). Таким образом, Шварценеггер, каким его представляет обыватель, характеризуется тем, что делают его киногерои, и в этой связи неудивительно, что слова «Шварценеггер» и «экшен» часто стоят в одном ряду.

Прецедентные феномены, связанные с образом Терминатора активизируют мифологическое мышление читателя, актуализируют мифы, на которых данный фильм основывается и которые конструирует. Центральный голливудский миф отражается в мифе о сверхчеловеке и конкретизируется в образе несгибаемого Терминатора. Фильм завершается неизменным атрибутом голливудских боевиков – хэппи-эндом, актуализируя в сознании зрителя миф о превосходстве добра над злом. Развитие высоких технологий в 1990-е годы, революция «хай-тек» изменили и мышление зрителя, обогатив его новым мифом – условно назовём его «миф о чудесах науки». Развитие данного мифа сказилось и на киносюжетах – чудеса науки позволили роботу, который выглядит как человек, отправиться в прошлое, чтобы уничтожить мать человека, который возглавит людей в их войне с разумными машинами. Да и сам образ Шварценеггера как героя экшен-фильмов, который не позволяет некоторым людям увидеть в нём политика, насквозь мифологичен. Как мы заметили, все эти мифы так или иначе актуализируются в сознании зрителя употреблением прецедентных феноменов.

В немецких печатных СМИ весьма многочисленны также прецедентные феномены, связанные с образом Джона Рэмбо, самого известного киногероя С. Сталлоне. Образ Рэмбо Сталлоне создал в фильме «Первая кровь» 1982 г. и двух сиквелах: супергерой, способный в одиночку справиться с полчищами врагов, принципиальный и благородный, опытный солдат и патриот, сражающийся за родину как с внутренними врагами, так и с внешними. Сиквелы («Рэмбо: Первая кровь 2» 1985 г. и «Рэмбо 3» 1988 г.) имели политический подтекст, что обеспечило Джону Рэмбо место в «тезаурусе зрителя».

9. *Der Kandidat von Union und FDP für das Amt des Bundespräsidenten, Horst Köhler, will als Staatsoberhaupt "kein Rambo sein". Als Präsident müsse er "etwas behutsamer vorgehen" als in seinem letzten Amt als Chef des Internationalen Währungsfonds, sagte Köhler dem "Stern" (Köhler will behutsam sein // Politik kompakt. Berliner Morgenpost, 19.05.2004).*

В примере (9) эксплицирован такой дифференциальный признак прецедентного имени «Рэмбо» как неосмотрительность. Кандидат в президенты ФРГ Х. Кёлер говорит, что он как глава государства не хочет «играть в Рэмбо», а собирается действовать осмотрительно. Осмотрительность и осторожность, как известно, не свойственны Рэмбо: в одиночку он отправляется сражаться с врагом во вражеских военных укреплениях (как, например, в «Рэмбо 3»), демонстрируя в первую очередь такие качества, как отчаянность и бесстрашие.

10. *Ruhe und Ordnung werde er [Simon Trinidad] wieder herstellen, die Staatsfinanzen sanieren und für Wirtschaftswachstum sorgen, hatte Uribe bei Amtsantritt versprochen. Kolumbiens Linke erhöhte ihn damals als "Anden-Rambo" - schon rein äußerlich eine Übertreibung. Denn der schmätzigte Rechtsanwalt hat wenig gemein mit Sylvester Stallone (Großer Erfolg für Kolumbiens Präsidenten. Berliner Morgenpost, 05.01.2004).*

В данном примере актуализируется дифференциальный признак «физическая сила» и связанный с признаком «физическая форма». Симон Тринидад, являющийся героем статьи, – один из руководителей революционных сил Колумбии (FARC) – до определённого времени был профессором экономики в университете в Сезаре, затем служащим в банке. Понятно, что образ профессора или банковского клерка не похож на образ сол-

дата Рэмбо, что и отмечает автор.

11. *Neben der körperlichen Leistungsfähigkeit wird besonders auf psychologische Stabilität geachtet: Rambo-Typen will die Bundeswehr in ihrer Elite-Truppe nicht haben (Deutsche Elite-Einheiten stehen vor Einsatz in Afghanistan. Die Welt, 21.09.2001).*

В примере (11) эксплицируется такой дифференциальный признак прецедентного имени «Рэмбо», как психологическая нестабильность и повышенная эмоциональность. Имя «Рэмбо» прочно вошло в число прецедентных феноменов благодаря тому, что фильм создал «сильный миф». Однако, как видно из примера (8), сильная «мифологичность» образа отрывает его (образ) от реальности. Таким образом, мифологический образ Рэмбо на сто процентов соответствует центральному мифу Голливуда (сильный герой-одиночка), но – зритель понимает – в реальности невозможно в одиночку расправиться с сотнями врагов, вне зависимости от личного благородства или силы духа. Поэтому на практике – что интересно заметить – Рэмбо превращается в психологически и эмоционально нестабильного, а потому и никуда не годного солдата. И автор, и читатель чётко разделяют для себя «войну в кино» и «войну в реальности».

12. *Das Nein der Welt war nicht nur ein Nein zum Angriffskrieg, sondern ein Nein zum American Empire, ein Aufbäumen gegen zu viel Macht, zu viel Arroganz und Rambo-Politik (George W. Bush: Der kleinlaute Rückzug. Stern, 09.09.2003).*

В примере (12) с помощью прецедентного имени характеризуется внешняя политика администрации Буша, эксплицируются такие её признаки, как «имперскость», чрезмерная силовая составляющая, бескомпромиссность, заносчивость. Прецедентное имя «Рэмбо» достаточно часто употребляется для характеристики политики Белого Дома, а также действий американских военных (После освобождения 39 заложников (пассажиров рейса 847 из Афин), захваченных террористами в июне 1985 г. в Бейруте, президент Рейган пошутил: «Вчера вечером смотрел «Рэмбо». Теперь я знаю, что делать, когда это случится в следующий раз»). С точки зрения политобозревателей и администрация президента США, и американские военные группы по отношению к соседним государствам и их населению ведут себя в точности как Рэмбо по отношению к своим врагам на киноэкране: преследуя

только свои интересы, бесцеремонно вторгаются на чужую территорию, ищут врагов, силой добиваются желаемого.

Интересно заметить, что в примерах (9-12) фигурирует только один тип прецедентных феноменов – прецедентное имя, с помощью которого характеризуются не только люди, но и их действия, и политическая линия. По словам О.М. Фрейденберг, «основной закон мифологического <...> сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает». В мифологическом сюжете мотивы не только связаны с персонажем, но являются его действенной формой (Фрейденберг 1997). Решающую роль здесь играет, как мы видим, персонифицированное мышление. Таким образом, в прецедентных феноменах других типов в некотором смысле нет необходимости – герой говорит и делает только то, что он сам собой представляет.

Кроме магистральных голливудских мифов, уже названных нами выше, образ Рэмбо связан ещё с одним. Рейгановские 1980-е годы стали знаком поворота к консерватизму Эйзенхауэра в 1950-е. Власть и Капитализм дают в этот период превалирующие мифы. Однако, годы президентства Эйзенхауэра – это ещё и «красная угроза», Холодная война с Советским Союзом. Холодная война разразилась с новой силой при Рейгане, подтверждением чему служит политический миф об «империи зла». В кино же лихой солдат Джон Рэмбо показывал афганским друзьям, как следует убивать «этих, с красной звездой на лбу». Миф политкорректности в фильмах о Рэмбо заменяется мифом «империи зла». И сам фильм «Рэмбо», и мифологический образ главного героя содержат такие характеристики американской нации, как «имперскость», стремление к мировому господству и политика силы.

Среди прецедентных феноменов с субсферой-источником «киноэкшен» встречаются также и следующие.

13. *Analyse "Mission impossible" für Merkel (заголовок статьи, Gelnhäuser Tageblatt, 06.02.2007).*

14. *Sollte er keine Unterstützung erfahren, wer-*

de er nicht um seinen Posten kämpfen, den man ohnehin als "Mission impossible" bezeichnen könnte (Abbas ringt um politisches Überleben, Merkur Online, 05.09.2003).

В приведённых примерах фигурирует прецедентное высказывание, являющееся названием фильма 1996 г. В политических текстах печатных СМИ Германии высказывание функционирует как клише, то есть задействует лингвистические когнитивные структуры. Высказывание обладает глубинным значением, не равным простой сумме значений его компонентов, однако лишено системного смысла, представляющего собой сумму глубинного значения и знания прецедентного феномена (текста «Миссия невыполнима»), стоящего за ним. Феноменологические когнитивные структуры, формирующие культурную компетенцию, остаются незадействованными: чтобы понять смысл высказывания знакомство с текстом не обязательно (по мнению В.В. Красных, такие высказывания не являются прецедентными [Красных 2003: 209-213, 214-221]). Прецедентные феномены мы понимаем широко, относя к ним и клише, и стереотипы – см. (Гудков [http](http://), Захаренко 1997).

В политической коммуникации Германии также достаточно многочисленны прецедентные феномены, связанные с образом Дж. Бонда.

15. LONDON. *Noch vor elf Jahren war dieser Geheimdienst so geheim, dass seine Existenz von der britischen Regierung glatt verneint wurde. Jetzt geht der Arbeitgeber von James Bond, der legendäre britische Auslandsgeheimdienst MI6 mit einem Internet-auftritt an die Öffentlichkeit (Der Spion, der aus dem Internet kommt. Kölnische Rundschau, 13.10.2005).*

В примере (15) на первый план выходит дифференциальный признак «национальность»: читатель уже узнал, о чём пойдёт речь в статье (Geheimdienst – секретная служба), даже если не смог опознать модифицированное прецедентное высказывание в заглавии (от «Der Spion, der mich lebte» - «Шпион, который меня любил»: название одного из фильмов о Джеймсе Бонде). Выражение «Arbeitgeber von James Bond» (работодатели Джеймса Бонда) позволяет понять, что речь идёт о секретной разведывательной службе Великобритании MI-6.

Отсылка к образу Бонда может осуществляться не только употреблением прецедентного имени, но и номинацией по атрибуту:

16. *Wenn 007 es schon für nötig erachtet hätte, den UN-Generalsekretär zu belauschen, hätte er sich dabei jedenfalls nicht erwischen lassen (Wenn in China Mücken husten. Kölner Stadt-Anzeiger, 04.03.2004).*

17. BERLIN. *James Bond wäre blass geworden, wenn er in den siebziger Jahren ein Ausbildungslager der Stasi-Abteilung AGM / S besucht hätte. Was dem Agenten mit der Lizenz zum Töten nur mit mürrischer Miene überlassen wurde, war bei den Kämpfern des DDR-Ministeriums für Staatssicherheit problemlos zu haben: Die zeitweilig bis zu 1024 Stasi-Killer konnten sich mit allen denkbaren Mordarten aus (Killer im DDR-Auftrag. Kölner Stadt-Anzeiger, 25.09.2003).*

Атрибут прецедентного имени – знаменитый бондовский статус «007» – агент с правом на убийство (пример (16)). В примере (17) автором обыгрывается значимость статуса «007». Журналист характеризует сотрудников Министерства государственной безопасности ГДР 1970-х годов, употребляя прецедентное имя и указывая один из его атрибутов (007). Эталон шпиона предстаёт абсолютно неопытным рядом с бойцами МГБ ГДР: последние свободно ориентируются в вопросах убийства и без проблем получают «право на убийство», Бонду же такое право было предоставлено нехотя, «с угрюмым лицом». Нам снова чётко заметен конфликт мифологической и реальной действительности: голливудский миф морализаторства (основной тезис можно свести к следующему: убивать плохо и даже Бонду – человеку, выполняющему миссию спасения государства – это позволено только в самых крайних случаях) выглядит смешным при сопоставлении его с реальной действительностью.

Среди прецедентных феноменов, связанных с образом Бонда, в политической коммуникации Германии достаточно часто используются прецедентные феномены, представляющие собой названия фильмов об агенте 007 и цитаты из его речи:

18. *Die Deutschen müssten sich von der aktuellen Politik fühlen „wie der Martini bei James Bond: Geschüttelt, aber nicht gerührt“, sagte Brüderle weiter (Opposition: Zeit mit großer Koalition war verlorenes Jahr. Die Welt, 22.11.2006).*

19. *"Sag niemals nie", war der Titel des James-Bond-Films von 1983. Wenn es nach führenden CDU-Politikern geht, sollte sich Friedrich Merz (49), Ex-Fraktions-Chef der Union, dieses Motto zu Herzen nehmen - und in den "Geheimdienst ihrer Majestät ... ääh ... Merkel" zurückkehren (Friedrich Merz.*

Berliner Kurier, 12.06.2005).

В примере (18) демократия характеризуется употреблением прецедентного высказывания Бонда, заказывающего мартини в баре: «встряхнуть, но не мешать». Аналитик предполагает, что чувства немецкого народа от актуальной политики должны быть именно такими. Прецедентное высказывание функционирует как клише (см. примеры (13-14)), употребление прецедентного имени помогает распознать высказывание и отсылает читателя к его автору. Экспрессивность высказывания проявляется в его метафоричности (чувства народа сравниваются с мартини), то есть уже на глубинном уровне его смысла, системный же не задействуется. Поэтому ни авторство прецедентного высказывания, ни знакомство с породившим его текстом не обязательны для понимания смысла.

Применённый в данной статье подход к исследованию прецедентных феноменов очень близок типологии прецедентных феноменов Г.Г. Слышкина, выделяющего в прецедентной концептосфере концепты прецедентных личностей и концепты прецедентных миров (Слышкин 2000). Употребление прецедентных феноменов в примере (19) можно объяснить, применив терминологию Г.Г. Слышкина. Прецедентным высказыванием, представляющим собой название фильма («*Sag niemals nie*» - «Никогда не говори никогда» 1983 г.), автор «вводит» читателя в прецедентный мир Джеймса Бонда, и дальнейшее повествование развивается именно в направлении, которого читатель уже ожидает: политические события, их действующие лица и их поступки истолковываются через призму виртуальной бондовской реальности и в терминах этой реальности. Таким образом, становится вполне понятно употребление прецедентного высказывания, представляющего собой модифицированное название фильма о Дж. Бонде «*In Geheimdienst Ihrer Majestät*» («На секретной службе Её Величества»).

20. *Dass derartige Aktionen in James-Bond-Manier die Glaubwürdigkeit Bushs und seiner Sicherheitsberaterin Condoleezza Rice weiter unterminieren, ist beiden wohl egal (Das Ziel heiligt die Mittel. Merkur Online, 03.03.2003).*

Стоит снова обратить внимание на особенности употребления прецедентного имени в примерах (19-20), аналогич-

ные описанным выше (см. примеры (7-8), (9-12)). Прецедентное имя «Джеймс Бонд» может употребляться как для прямой номинации образа с актуализацией дифференциальных признаков прецедентного имени, так и для экспликации особенностей его поведения, типизированных ситуаций с его участием и т. д., которые также характеризуют присущие герою черты (назовём это опосредованной номинацией образа). Обратим внимание: и бондовские, и рэмбовские фильмы не актуализируются их названиями – их названия чаще функционируют как клише – отсылка к этим фильмам происходит главным образом употреблением прецедентного имени главного героя (Rambo-film или James-Bond-Film). Это позволяет сделать вывод, что зритель чаще запоминает не название фильма и его сюжет. Читатель, следовательно, чаще реагирует не на точные названия фильмов в текстах СМИ. Главное значение имеет мифологический образ киногероя, включающий характеристики его поведения в разных ситуациях в разных фильмах.

С представленной точки зрения и как показывает рассмотренный материал центральное место среди прецедентных феноменов занимает прецедентное имя как наиболее часто используемый способ отсылки к мифологическому образу героя. Прецедентные высказывания и прецедентные ситуации используются с той же целью, поскольку герой представляет собой то, что он делает и говорит. Образ героя и его конфликта с врагом является центральным также и в мифах. С учётом того, что суггестивность является основной характеристикой политического дискурса использование в построении представленной методики основных положений современных исследований мифов и мифологического сознания даёт, как видится, новые возможности анализа манипулятивной функции прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайль П. Правильный фильм для правильного зрителя // *Сегодня* № 45, 24.08.1993;

Генис А. Целомудренный распутник // *Русский телеграф*, № 44 (116), 25.03.1998;

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // *Язык СМИ и тексты политического дискурса*.

<http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>;

Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. М., 1997;

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003

Полотковский С.А. Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России: межкультурные связи в контексте международных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006;

Рюмкова О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997

<http://www.infoliolib.info/philol/freidenberg/main.html#2>

Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003

http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=-1&bid=475

© Косарев М. И., 2007

Элеонора Лассан

Вильнюс, Литва

ИЗОБРАЖЕНИЕ СМИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ И ЛИТВЫ

Abstract

This paper deals with the problem of representation of the power by the mass media viz. the means of depicting the images of the presidents of Russia (V.V. Putin) and Lithuania (Valdas Adamkus) by the mass media of «their own» countries. In the course of research the author distinguishes the three key mechanisms: 1. television presenting the image of the presidents, 2. speech acts of the statesmen represented by the press, 3. and also «the way the presidents' speeches affect the future».

***

Анализируя современное состояние России, Т. Кондратьева в статье «Современное государство по Домострою?» предлагает в качестве методологической установки анализа исходить из тезиса о том, что «что всякая современность (и, в частности, такой феномен, как l'Etat Moderne), какой бы новой она ни казалась, представляет собой переплетение компромиссов, которые вырабатываются в результате тяжбы между опытом прошлого, свойственным индивидууму или коллективу, и его / их планами на будущее» [2006: 50]. Россия и Литва – страны со сравнительно недавним общим и в историческом отдалении разным, хотя и постоянно соприкасающимся прошлым.

В какой мере сказанное Т. Кондратьевой о настоящем как переплетении опыта прошлого и планов на будущее может объяснить политическую реальность, и в частности, отношение к власти, и соответственно, к способам ее изображения, в двух названных странах, сегодня ведущих раздельное существование?

Думается, что президентская республика в России и парламентская республика в Литве в известной степени соответствуют общественным традициям двух стран, складывающимся на их территориях в течение веков. Определенное отношение к власти – ее «сакрализация» – считается одной из констант русского национального самосознания, унаследовавшего вместе с православием из Византии идею божественного происхождения царской власти («всякая власть от Бога»). «Русская духовность, – по словам С.С. Аверинцева, – делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака; и ни в чём это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Поэтому власть – «это нечто находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее». В силу свойственной русской картине мира дуальности представления бытия («верх» / «низ» – со слабо проработанной «серединой») власть в соответствии с ожиданиями помещается обычно «выше человеческого мира», а в случае нарушения ожиданий ниспровергается в преисподнюю (судьба царской семьи, на мой взгляд, – материализованное воплощение метафоры низвержения в преисподнюю).

Литва как независимое государство обладает меньшим периодом зрелой государственности – в сущности, мы, очевидно, являемся свидетелями одного из этапов ее становления (я не говорю о периоде Великого Княжества Литовского, характеризовавшегося симбиозом этносов и конфессий, сложными отношениями между княжескими династиями). Бесспорно, однако, что Литва не знала централизованной монархии, а католицизм подчинял королей и удельных князей воле Ватикана, лишая их одновременно божественного ореола.

Для современной России характерно многообразное отношение к оптимальным формам правления, однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что